

Ксения Власова

Екатерина Звонцова

Яна Лехчина

Джезвел Морган

Надя Сова

Дарина Стрельченко

Диана Чайковская

СКАЗКИ

ПЕЧАЛИ И РАДОСТИ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С42

Автор идеи *Елизавета Никишина*
Директор по контенту *Екатерина Панченко*
Ведущий редактор *Мария Логинова*
Художественное оформление *Ирины Посыпкиной*
Дизайн обложки *Анны Анциферовой*

Дизайн обложки *Павла Гвозденко*
Дизайн макета *Кати Петровой*

С42 Сказки печали и радости. — Москва : Эксмо, 2024. —
272 с.

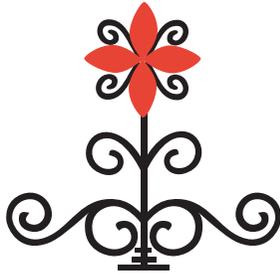
ISBN 978-5-04-207845-3

Здесь ведьма окажется другом, а красна девица — зверем. Здесь теплое лето сменится бесконечной зимой, а ясный день скроют сизые сумерки. Кощей Бессмертный, Царевна лягушка, Серый волк и Баба Яга — герои, знакомые с детства, — вдруг явят истинное лицо. Будь осторожен, читатель, да не заключит сказочный лес тебя в свои мрачные объятия!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Власова К., текст, 2024
© Звонцова Е., текст, 2024
© Лехчина Я., текст, 2024
© Морган Дж., текст, 2024
© Сова Н., текст, 2024
© Стрельченко Д., текст, 2024
© Чайковская Д., текст, 2024
© Строки
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

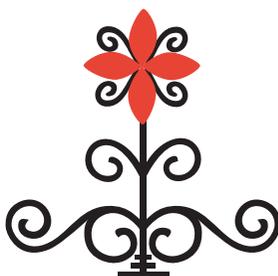
ISBN 978-5-04-207845-3

Ксения
ВЛАСОВА

КУДА НОЧЬ,
ТУДА И СОН

Время хищным зверем бесшумно крадется по спальне, погруженной в ночную тьму. Тишину нарушает лишь кваканье лягушек на болоте. Оно несется из динамиков умной колонки на прикроватной тумбочке и смешивается с мерным дыханием спящей женщины. Ее рука свешивается с кровати. Свет полумесяца, заглянувшего в окно, скользит по коже серебристыми стежками-зацепками. Мерцающая нить крепнет, а затем тянет за собой, и пальцы женщины напрягаются. Во сне она что-то бормочет и переворачивается с боку на бок. Ее дыхание учащается, голова начинает метаться по подушке.

Черный кот запрыгивает на постель ровно в тот миг, когда сон отброшенной простыней слетает с его хозяйки и она распахивает глаза. Слепо глядит перед собой, с губ легким перышком слетает шепот:

— Куда ночь, туда и сон.

Время ощеривает пасть. Лягушки стихают, а по окну пригоршней внезапного дождя растекается вода. В центре каждой жемчужной капли — там, где можно разглядеть свое отражение, — мелькают языки черного пламени. Затаившиеся в углах тени плотоядно тянутся друг к другу. Туман во взгляде женщины медленно рассеивается. Еще мгновение — и будет поздно...

Черный кот выгибает спину, трясется, как в ритуальном танце. Трется о хозяйку, тычется влажным носом ей в ладони. Прикусывает кожу, обрывая серебристые нити. По комнате разносится басовитое требовательное мурлыканье, и темнота вокруг начинает вибрировать. Время замирает, клубок теней распадается. Лоскутки разлетаются по углам и оседают темной пылью.

— Баюн, это ты? — сонно спрашивает женщина. Ее пальцы путаются в густой шерсти на загривке кота. — Черт, приснится же такое!

Она порывается рассказать о своем кошмаре, но обрывки сна ускользают, исчезают из памяти. Разум снова погружается в сладкую дрему.

Баюн урчит, топчется по хозяйке, запуская когти в пижаму, по которой еще скользят полосы лунного света. С каждой минутой спальня все глубже погружается во тьму. Тишина ватным одеялом накрывает комнату. В ее удушающей пустоте раздается тихий довольный смех. Он разлетается во мраке перезвоном серебряных монет и рассыпается эхом слов:

— Спи, моя девочка, спи!

От порыва ветра распахивается окно, занавески раздуваются, как парус корабля, а отголоски смеха тают в шуме ночного города. Баюн с мягким мурчанием сворачивается калачиком на груди у женщины. Кот знает, она в безопасности, пока спит.

— Василиса, зайдите ко мне.

В обычно спокойном голосе главврача предательски промелькнуло беспокойство. Совсем мимолетно, если не прислушиваться, то и не заметишь. Не оборванная струна, нет, лишь легкая фальшь, но Василисе этого хватило. Чтобы отделаться от горечи дурного предчувствия, она на ходу сделала глоток горячего сладковатого кофе и досадливо цокнула: обожгла язык.

— Присаживайтесь, пожалуйста.

Василиса молча опустилась на стул. Бейджик, намертво вцепившийся в белый халат, тускло блеснул на солнце, которое вынырнуло из свинцовых туч и тут же снова исчезло. В приоткрытое окно дохнуло запахом сырой земли и теплой, почти летней тоской.

— У вас новая пациентка.

— Я еще не делала утренний обход.

— Знаю. Вот ее личное дело.

Главврач толкнул в ее сторону тоненькую пластиковую папку. Та прошуршала по столу и зависла на самом краю. Племянник Василисы прошлым летом с похожей осторожностью палкой отбросил в сторону змею, встреченную им на пути в лесу. Сообразительный парень, явно пошел не в их родню...

Василиса поставила картонный стаканчик с кофе на стол и потянулась к истории болезни. С первой страницы на нее в упор смотрела молодая девушка, совсем девчонка. На вид не больше шестнадцати, но дата рождения в верхнем правом углу утверждала, что девице (весьма симпатичной) уже двадцать один год.

— Мария Купцова, — прочитала Василиса и поправила очки в роговой оправе. Этот жест ее успокаивал, а в ситуа-

ции, когда тебя с утра пораньше вызывает к себе главврач и зачем-то подсовывает карточку нового пациента, хладнокровие не повредит. — Дочь предпринимателя, того самого?

— Да. Как видите, дело щепетильное и требует особого подхода.

Василиса едва не фыркнула. У них каждое дело щепетильное, что неудивительно, если работаешь в сумасшедшем доме. Буквально.

— Что она натворила?

В их элитную частную клинику (с весьма поэтичным названием, никак не намекавшим на проблемы, которые тут решались) попадали лишь те, кто «отличился» буйным нравом, а точнее те, кого родные посчитали опасными не только для общества (бог бы с ним!), но и для себя.

— Новости совсем не смотрите?

К укоризненным ноткам примешалось любопытство, банальное и пошлое, как в неловкой переписке на сайте знакомств. Василиса работала в клинике три года и три месяца, но так и не обзавелась друзьями. О себе ничего не рассказывала, в душу не пускала, держалась ото всех чуть в стороне. Шепотки коллег ползли за ней настойчивыми тараканами: неубиваемыми, какой заразой их ни трави. Вот и главврачу, похоже, стало интересно, как она живет.

— Хватает ужасов и на работе, — лаконично ответила Василиса. — А что?

— Она преследовала Финистова. Певец такой популярный, кумир молодежи. Может, слышали?

Василиса покачала головой и уже внимательнее всмотрелась в лицо на фото. Светлые волосы милыми кудряшками обрамляли лицо-сердечко. Серые глаза смотрели на мир открыто, как будто удивленно. Круглые щечки припорошены золотистой россыпью веснушек. Сразу и не скажешь, что у девчонки проблемы.

КУДА НОЧЬ, ТУДА И СОН

Но первое впечатление всегда обманчиво, не так ли?

— Как... — Василиса перевела взгляд от фото к тексту под ним и быстро выцепила строчки. — Как Мария Купцова попала к нам?

— Долгая история, но если совсем кратко: она сбежала из дома, ошивалась непонятно где, затем нашлась в полицейском участке, куда ее привезли после нападения на Финистова. Оттуда ее забрал отец и доставил к нам.

Доставил. Как посылку или груз.

— Преследование объекта одержимости, сталкинг, — задумчиво прочла Василиса. Хорошо знакомые слова легко слетели с языка. — Провалы в памяти, агрессивное поведение...

— В личном деле далеко не всё, — перебил главврач. — Отец просил пока не ставить диагноз, но... ай, сами все поймете.

Василиса скупо улыбнулась и постаралась пошутить:

— Обойдемся без спойлеров, так интереснее.

Кривая, выданная авансом усмешка стала ей ответом.

— К вечеру жду ваше экспертное мнение.

«Пациентка утверждает, что между ней и Финистовым особая связь. Причины этой связи не уточняет».

Василиса обхватила стакан с кофе покрепче и задумчиво постучала указательным пальцем по пластмассовой крышечке. Взгляд не отрывался от ноутбука. В электронную базу уже подгрузили данные Марии Купцовой. Информация на экране полностью дублировала распечатанную версию в папке на краю рабочего стола.

«У пациентки замечены когнитивные нарушения: пониженная концентрация, психомоторные изменения, повышенная возбудимость».

В руку отдало легкой вибрацией, и Василиса неохотно покосилась на лежащий рядом телефон. На работе она всегда переводила его в беззвучный режим.

Темный экран ожил. На заставке с фоткой Баюна высветилось сообщение:

«Солнышко, прости меня! Я идиот... Давай поговорим?»

Василиса сделала глоток кофе, поморщилась — остыл — и уверенно смахнула сообщение. Пара секунд, и контакт «Любимый» оказался переименован сначала в «Бывший», а затем в «Ванька-дурак, не брат».

Стук в дверь заставил быстро сунуть телефон в карман.

— Можно? — Старший медбрат Сергей просунул коротко остриженную голову в дверной проем. — Пациентку Купцову приглашали?

Василиса мельком глянула на настенные часы: Сергей, как всегда, явился минута в минуту, это она не уследила за временем, погрузившись в изучение медицинской карты новенькой.

— Приглашала, — подтвердила Василиса и, заметив за широкой, массивной спиной Сергея худенькую девичью фигурку, кивнула на кресло у окна. — Проходите, пожалуйста.

Сергей пропустил девушку вперед, а затем буквально усадил ее в кресло, как ребенка. Девчонка казалась погруженной в себя, ее излишне спокойный взгляд заставил Василису быстро перепроверить данные утреннего обхода. Нет, сегодня ей не давали никаких седативных.

— Я буду рядом, — коротко бросил Сергей и прикрыл за собой дверь. С той стороны раздались тихие шаги. Наверное, пошел к диванчикам в холле. Там стоял автомат с кофе, и возле него обычно сама собой возникала стайка шушукующихся сотрудников младшего персонала. Как животные, добравшиеся до водопоя, они блаженно падали в объятия

КУДА НОЧЬ, ТУДА И СОН

прохладных кожаных диванов, превращая эту часть больницы в импровизированный оазис.

Василиса встала из-за стола и, подойдя к окну, приоткрыла его. Свежий воздух юрким духом проник в кабинет и принес с собой сладкий, дурманящий аромат сирени из сада, раскинувшегося вокруг клиники. Начало мая, время обновления и цветов.

А еще весеннего обострения и неожиданных откатов в эмоциональном состоянии у людей с нестабильной психикой.

Василиса послала пациентке вежливую улыбку и опустилась в кресло напротив. Между ними, как символ разделяющей их пропасти, раскинулся широкий журнальный столик. Под подлокотником едва заметной горошинкой выступала тревожная кнопка. Василиса осторожно нащупала ее, пальцы привычным движением замерли в паре миллиметров. От Марии не веяло угрозой, но делать выводы пока рано.

— Мария, рада вас видеть, — легко солгала Василиса. — Вам комфортнее общаться на «вы» или перейдем на «ты»?

— Ты...

— Отлично, тогда...

— ...Ты знаешь меня?

Мир вдруг замер, как зависшая картинка на смартфоне, и пошел цветными кругами. Василиса рефлекторно коснулась очков, надавила, и роговая оправа впилась в кожу, возвращая зрению правильный фокус.

Отсутствие сна плохо на ней сказывается. Определенно, не стоило вчера ругаться до полуночи с придурком-бывшим и его семьей. Как хорошо, что Василиса больше не увидит ни его, ни его папеньку...

— Нет, я первый раз вас вижу, — честно ответила она. — А вы меня?

— Нет, но ты кажешься мне знакомой. — Мария вздохнула. — Никак не вспомню, где мы встречались...

Василиса сделала пометку в блокноте (все записи она предпочитала вести на бумаге, а позже переносить в электронную базу) и тоже наконец перестала выкать.

— Знаешь, почему здесь оказалась?

Мария кивнула, ее лицо осунулось.

— Знаю.

С губ Василисы сорвался тихий вздох облегчения. С пациентами, осознающими свою проблему, легче работать.

— Твой отец...

— Он мне не отец.

Сказала, как ножом полоснула. Пухлые губы сжались в тонкую линию, а поза стала более закрытой: руки скрестились и легли на грудь.

— А кто же он?

— Отражение, как и все тут.

Василиса сделала торопливую пометку в блокноте. Краем глаза она следила за Марией. Та не казалась ни разозленной, ни отстраненной — две крайности, с которыми чаще всего приходилось сталкиваться в разговоре с пациентами больницы. На вопросы отвечала спокойно, не задумываясь, но разговор не форсировала, то есть выговориться не хотела. Жаль, зачастую это помогает наладить связь на первых порах.

— Значит, все люди вокруг — отражения? — с пониманием переспросила Василиса. Так, словно они обсуждали что-то само собой разумеющееся. — И как давно ты об этом узнала?

От ответа зависело многое, и Василиса с трудом подавила рвавшийся наружу зевок. Спать хотелось зверски, до головной боли. Та уже извещала о своем скором приходе тупым перестуком молоточков в затылке. По ощущениям в голове поселился рой злых ос, вооруженных топорами и жаждой вендетты.

КУДА НОЧЬ, ТУДА И СОН

- Как только проснулась в этом мире.
- Как только проснулась... — повторила Василиса.

От нажима пластиковая ручка треснула. Запасная лежала в ящичке стола, но лишнее движение могло сбить пациентку с настроения, так что Василиса не шелохнулась.

— А когда ты проснулась? Помнишь, что этому предшествовало?

«Проснуться» — довольно популярная среди пациентов метафора. Василиса даже заскучала, услышав именно эту фразу из уст Марии. После намеков главврача она ждала от ее случая чего-то более необычного.

— Не помню. — Мария пожала плечами. — Может, седмицу назад? Здесь время течет иначе: то замедляется, то бежит вперед, как расшвирипевший волк. Замечала, наверное?

Проклятая ручка потекла, перепачкав пальцы и оставляя на листах синие кляксы. Василиса тихо скрипнула зубами и склонилась над блокнотом, надеясь, что так сумеет скрыть раздражение, наверняка сверкнувшее во взгляде.

Она коротко отметила красочное сравнение с волком и устаревшее слово, вычитанное то ли в учебнике, то ли в старославянской сказке.

— Да вроде не замечала, — уверенно ответила Василиса. — А что, должна была?

Вообще-то, со временем у нее и правда имелись проблемы. Оно слишком часто утекало сквозь пальцы, но вряд ли ее собеседница имела в виду именно это.

— Конечно! — Мария впервые с начала разговора не сдержала эмоций и посмотрела удивленно, с недоверием. — Ты же не отражение. Ты настоящая, как и я. Неужто не приметил ничего?

Василиса моргнула, на мгновение позабыв про чертову мажущую ручку. Мир снова рассыпался снопом искр, а в голове усилился стук молоточков. Секунда, не более, и все вер-

нулось на свои места. Ее реальность в виде уютного кабинета, новой пациентки в кресле и просьбы главврача снова обрела четкие очертания.

В кармане белого халата, брошенного поверх повседневной одежды, глухо завибрировал телефон. Василиса украдкой, понимая неэтичность своего поступка, нащупала его пальцами и нервно покосилась на экран. Пациентов у нее много, и их проблемы воспринимались рутинной, а вот ее история с Ваней...

На экране высветилось еще одно короткое сообщение: «Я поругался с отцом и ушел из дома. Еду к тебе».

Только многолетняя практика общения с людьми, которых может спровоцировать неверно сформулированная мысль, помогла удержать на лице выражение вежливого интереса. Больше всего на свете хотелось злой ведьмой вылететь из кабинета, набрать инфантильного дурачка и высказать ему все, что накопилось. Вместо этого Василиса разжала пальцы, телефон упал обратно в карман, а она подняла голову от записей и спокойно продолжила разговор:

— Знаешь, меня мало кто называет настоящей. Пожалуй, это можно считать комплиментом, как думаешь?

Кажется, Марии она понравилась. Контакт с ней определенно установлен. Редкое везение, ведь даже делать для этого ничего не пришлось. Что ж, теперь осталось грамотно сыграть на чувстве «мы похожи, мы вдвоем против всего мира» и...

— Чудно говорите. — Мария пожала плечами. — Как вилами по воде водите: красиво, но бессмысленно.

Василиса скупо улыбнулась. Ладно, с выводами она потопила. Ну ничего, можно зайти с другой стороны.

— Расскажешь о том дне, когда проснулась? Это помогло бы нам выстроить цепочку событий, которые привели тебя к сегодняшней точке.

КУДА НОЧЬ, ТУДА И СОН

Мария чуть замаялась, а затем откинулась на спинку кресла и уточнила:

— С самого начала рассказать?

— Можно и так.

Чего Василиса не ожидала, так это последовавших за этим слов, упавших в тишину кабинета грохотом покотившихся с гор камней.

— В тридевятом царстве, в тридесятом государстве жила-была я, дочь купца... Что? Ты же сказала поведать все с самого начала.

Василиса помотала головой. Телефон в кармане снова завибрировал, но в этот раз она не обратила на него внимания. Все потеряло смысл, отошло назад. Все, кроме слов Марии. Они будто оглушили, будто потащили куда-то вниз...

Чертова ночная ссора! Как сложно сконцентрироваться, когда мозг будто плавает в тумане.

— Ничего, — медленно проговорила Василиса. — Продолжай.

— Звали меня все Марьюшкой, имя матушка выбрала. Отец ее любил до одури, да только недолго им было суждено пробыть вместе: свела ее в могилу хворь. Остались мы, три дочери, с отцом...

Ручка, оставив в блокноте огромную кляксу, упала на пол. Василиса не стала ее поднимать. Ее взгляд был прикован к темному пятну на белой бумаге. В чернильной синеве вдруг проступили зеленоватые, болотные оттенки.

Василиса чуть дрогнувшей рукой поправила очки и с силой надавила на оправу. Клякса снова приобрела нормальный цвет. В горле пересохло. Часть истории она, определенно, пропустила.

— ...А мне отец привез перышко. Сестрицы посмеивались надо мной да все кичились новыми лентами и сережками.

Телефон снова завибрировал, и в этот раз Василиса не глядя выключила его. Он безмолвным кирпичом опустился на дно кармана. В голове вместе с рассказом Марии проносились яркие образы, призрачные, будто из старого сна. Приходилось усилием воли отгонять их, чтобы сконцентрироваться на настоящем.

— Их веселье поутихло, когда ночью ко мне в спальню влетел Финист — Ясный сокол, понимаешь?

Василиса мрачно кивнула и подняла ручку с пола. Мария не просто проводила параллель со сказкой и в метафорах пересказывала свою историю. Нет, все оказалось серьезнее, чем можно было подумать, просматривая личное дело. Похоже, их клиент, отец Марии, кое-что утаил...

— Полюбили мы друг друга, да только наше счастье рыбьей костью в глотке у старших сестриц застряло.

Сестрицы как собирательный образ фанаток певца Финистова? Возможно.

— Задумали они нас со свету сжить и спрятали в окошке заговоренные ножи. Соколик мой прилетел, да пробраться ко мне не сумел. Изранился весь, кровью истек.

Ножи — символ предательства. Василиса педантично отметила это в блокноте. Иногда работа с образами помогала не хуже других, более новаторских методов психотерапии.

— Исчез он в ночи, а я на поиски бросилась. Три пары железных башмаков истоптала, прежде чем добралась до избышки Бабы-яги. Она-то мне и поведала, что изгнали сестры моего любимого в мир отражений. Мир, где все кривое, неправильное, перевернутое с ног на голову.

Густой зеленый лес предстал перед Василисой так резко, будто кто-то содрал реальность, как занавес, и обнажил картонные декорации. Ноздри защекотал смоляной, напоенный солнцем аромат сосен. Василиса моргнула, и запах леса сменился на благоухание сирени за окном.

КУДА НОЧЬ, ТУДА И СОН

— И что же... — Голос плохо слушался Василису, пришлось пару раз кашлянуть. Образ избушки, окруженной косяным забором, никак не шел из головы. Он притягивал к себе, манил и заставлял прикрыть глаза, что противоречило всем правилам: и врачебной этике, и элементарной безопасности. — Что же ты сделала?

Мария посмотрела на нее с легким недоумением, даже с жалостью.

— Конечно, отправилась за любимым.

— А конкретнее?

— Выпила зелье Бабы-яги и шагнула в зеркало.

Образ большого настенного зеркала возник в голове так резко, будто кто-то отправил его Василисе ударом мяча для пинг-понга по лбу. Стекло, шедшее рябью, стоило пальцем коснуться его поверхности; холод, сковавший тело и душу; темнота, пахнущая яблоками и обещанием... Все это, как обрывки чужих воспоминаний, порванной ниткой жемчуга поскакали по разуму.

Василиса зажмурилась, пытаясь справиться с головной болью, ставшей непереносимой.

— Ты употребляла запрещенные вещества? Что ты имеешь в виду под зельем?

Мария пожала плечами:

— Зелье как зелье: из трав и магии. Ты тоже такое приняла, раз здесь оказалась.

Василиса отложила в сторону блокнот с ручкой, сняла очки и потерла ноющие виски. Стоило прервать сессию, в таком состоянии вести ее бессмысленно. Но что-то внутри, какая-то тихая крошечная часть Василисы удержала ее от этого логичного и правильного решения.

— Не пойму только, — задумчиво продолжила Мария и почесала кончик носа аккуратно подстриженным ногтем, — ты то зачем сюда прыгнула?

Мир закружился перед глазами. Будто даже звуки стали глуше, почти пропали. Впрочем, последнее как раз было не удивительно. Кто-то с силой забарабанил в дверь, казалось, она вот-вот слетит с петель. Такой зверский шум поглотит любой другой.

— Василиса! — заорал из коридора хорошо знакомый голос. — Давай поговорим!

Она подскочила с кресла и, коротко, абсолютно механически, извинившись, рванула к двери. Повернулся ключ, щелкнул замок, и на пороге возник... Ваня. Буйные кудри включены, будто в них то и дело запускали пятерню; большие светлые глаза смотрят тревожно, в них плещется страх, смешанный с виной. Этими же чувствами от него разило, как алкоголем от ее соседа по лестничной клетке в пятницу вечером.

— С ума сошел, — сквозь зубы прошипела Василиса. — Что ты здесь забыл?

— Тебя.

В проеме приоткрытой двери мелькнуло любопытное лицо Марии. Только стать участницей сцены, достойной шекспировской драмы, пациентке и не хватало! Что ж, прием все-таки придется прекратить. Словно услышав ее мысли (а скорее привлеченный шумом), в коридоре появился Сергей. Он ментально оценил ситуацию и тут же ринулся в атаку.

— Ваши документы? — бросил он Ване. — Как прошли нашу охрану?

Сергей был в два раза старше Вани и намного шире в плечах. Сейчас он угрожающе наступал на ее бывшего, тесня того в сторону. От Сергея повеяло свирепостью скалящего зубы волка (морда зверя была набита на его бицепсе). Кажется, до работы в клинике он служил в охране какой-то большой шишки в министерстве здравоохранения, вот от туда и взяли эти повадки.